

Манкен справедливо отвергает возможность того, что больше половины дубровницкого патрициата, известного своей сословной замкнутостью, брало себе жен за пределами города. Отправляясь от этого наблюдения, автор приходит к выводу, что «ослабление» Дубровника началось не в XIV в., а значительно раньше, по меньшей мере в XII или даже в XI в. (стр. 67). Этот вывод — один из ведущих в работе И. Манкен — разрушает бытовавшие в течение нескольких десятилетий в литературе мнения о романском характере дубровницкого населения до конца XIV в.

В Приложениях Манкен приводит список людей, которые на протяжении столетия (1301—1399) получали, судя по Libri Reformationum, права гражданства в Дубровнике, список habitatores, т. е. жителей, не пользовавшихся правами гражданства, и специалистов на жалование республики — врачей, учителей, нотариусов. В последнем разделе особенно любопытно наблюдение за ростом заработной платы этих служащих (salariati) на протяжении XIV в. (стр. 101). Одновременно можно заметить, что на протяжении того же столетия существенно поднялись цены на хлеб, оливковое масло и соль (107—109).

Однако основной материал по истории патрицианских семейств лишен каких-либо выводов и обобщений, и в этом смысле работа И. Манкен оставляет впечатление незавершенности. Возможно, это объясняется характером книги, основанной на первичной обработке множества неопубликованных актов⁴. Но это объясняется и определенной авторской позицией: Манкен особо предупреждает, что предоставляет читателю самому сделать выводы из собранного ею материала (стр. X). И эта позиция «невмешательства» в материал составляет, на наш взгляд, слабую сторону книги Манкен. Исследовательница слишком уж сужает круг сделанных ею выводов, ограничиваясь по существу лишь тезисом об этническом составе республики. Единственный параграф книги, посвященный участию патрициата в хозяйственной жизни республики (стр. 27—31), слишком краток и не носит исследовательского характера. И то, что Манкен не пыталась возможным поставить ни одной сколько-нибудь значительной проблемы, касающейся экономической деятельности патрициата, не может считаться достоинством ее работы.

М. Ф.

P. WIRTH. UNTERSUCHUNGEN ZUR BYZANTINISCHEN RHETORIK DES ZWÖLFTEN JAHRHUNDERTS MIT BESONDERER BERÜCKSICHTIGUNG DER SCHRIFTEN DES ERZBISCHOFES EUSTATHIOS VON THESSALONIKE. München, 1960, S. 156

Молодой западногерманский византист, ученик Ф. Дэльгера П. Вирт опубликовал диссертацию под длинным заголовком «Исследования в области византийской риторики XII в., преимущественно по сочинениям Евстафия, архиепископа Солунского». Заголовок обманчив: в действительности предмет книги куда уже — она посвящена рассмотрению известного риторического сборника Эскуриальской библиотеки (Escog. Y II 10) с преимущественным вниманием к включенным в него семи речам Евстафия Солунского, изданным еще в 1892 г. В. Регелем (восьмая речь Евстафия, изданная по той же рукописи Э. Курцем¹, видимо, ускользнула от внимания немецкого византиста). Вирт предлагает конъектуры к изданию Регеля (стр. 35—58)², детально анализирует грамматические особенности речей Евстафия (стр. 59—143) и — что наиболее интересно для историка — устанавливает ряд новых фактов: автором изданных Регелем речей XI и XII вв. был Григорий Антиох (стр. 10—12), а речи XXI — Никифор Василиаки (стр. 13—16)³; Вирт датирует VII речь Евстафия 1166 г. (стр. 24), а речь Григория Антиоха (XI) — 25 апреля 1180 г. (стр. 25 и сл.); он уточняет некоторые детали биографии Евстафия (стр. 17—21); датирует 1178 г. издание томоса Мануила I об исламе (стр. 27—29). Эти частные исследования по византийской истории и литературе XII в. дополняются несколькими небольшими

⁴ Такой же характер, кстати, носила и книга Д. Роллера об аграрных отношениях на землях Дубровника (D. Roller. Agrarproduktivni odnosi na području Dubrovačke republike od XIII do XV stoljeća. Zagreb, 1955).

¹ Э. Курц. Евстафия Фессалоникийского и Константина Манасси монодии на кончину Никифора Комнина. ВВ, XVII, 1910 (1911), стр. 290 сл.

² Помимо того, Вирт сообщает разночтения к речи Григория Антиоха по Marc. XI, 22 (стр. 22 и сл.), а также разночтения по Vatic. 1059 к изданной Ф. Кюмоном апологии Мануила I против упреков в еретическом увлечении астрологией (стр. 30—32).

³ Кроме того, Вирт считает Григория Антиоха автором двух неизданных надгробных речей в Escog. Y II 10, а Василиаки — автором неизданной речи к Адриану, сыну севастократора Иоанна Комнина, и также изданной Корвети речи к патриарху Николаю Музалону («Ελλάγνικὰ», т. 7, 1934, сел. 301—322).